

Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ)

Артём Константинович Адрианов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: artemadrianov1@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию племенных структур ОАЭ как негосударственных акторов. Автор уделяет особое внимание определению понятия «племя» в Арабском мире и его интерпретации применительно к странам Персидского залива и, в частности, ОАЭ как одной из наиболее сложных племенных систем региона. Исследуется вопрос племенной идентичности и ее проявления на современном этапе, а также влияния на позиции племен как политических акторов. Опираясь на классификацию негосударственных акторов В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, автор исследует племя как локального и ориентированного на государство актора. Выделяются три ситуации, в которых племя как актор может проявляться наиболее отчетливо. Автор приходит к выводу, что племена нельзя считать полноценным негосударственным актором, однако они сохраняют значительный потенциал для мобилизации политических действий в случае кризисных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

негосударственные акторы, племена, идентичность, ОАЭ, Персидский залив

«Арабская весна» и события, последовавшие за ней, продемонстрировали сохраняющуюся роль племен в политических процессах Арабского мира. Распад государства в некоторых арабских странах и возросшая роль негосударственных акторов стимулировали дискуссию о сущности племени и его субъектности в современной политике¹. О новой роли племен стали говорить и применительно к странам, относительно спокойно пережившим «арабскую весну» и сохранивших стабильность (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар). Особенно эта роль проявляется в цифровом пространстве, где стали появляться племенные сайты и страницы в социальных сетях².

Новое позиционирование племен в информационном поле, новые формы их экономической деятельности и изменившийся образ жизни, их политическая активность, трансформация социальных структур в процессе урбанизации и изменение политических систем позволяют сегодня говорить о новой субъектности племен. В странах, затронутых событиями «арабской весны» наиболее сильно (Ливия, Сирия, Йемен), племена стали восприниматься³ как ключевой актор, заполнивший вакуум, оставленный государством. В особых случаях племенной логикой объясняются основные тенденции изменения внутривнутриполитической ситуации⁴.

Существует устойчивое представление о том, что государство и племена являются взаимоисключающими акторами: чем сильнее государство, тем слабее племена. По мере упадка государственной власти племена восстанавливаются, чтобы обеспечить социальный порядок там, где государство с этим не справилось⁵. Некоторые исследователи называют племена «ахиллесовой пятой государства» и «бомбой замедленного действия»⁶. В то время как другие – фокусируются на стратегиях отношений государства и племени. По мнению российского исследователя В.А. Кузнецова, можно выделить три таких направления: 1) отрицание племенного фактора современным государством (в основном характерное для стран Северной Африки); 2) использование племен как основы государства (арабийские монархии, Ливия); 3) инкорпорация племени в государственные структуры (страны Леванта, Ирак)⁷.

Важно также отметить, что племена далеко не единственные политические акторы в арабских странах, даже в тех, для которых характерен высокий уровень внутренней нестабильности. Так, йеменский эксперт А. Аль-Иръяни указывает

1 Al-Sharekh and Freer 2022; Courtney Freer, "21st Century Bedouin Politics: Considering the Modern Power of Tribes in the Arabian Peninsula," Brookings, January 12, 2022, accessed July 31, 2024, <https://www.brookings.edu/articles/21st-century-bedouin-politics-considering-the-modern-power-of-tribes-in-the-arabian-peninsula/>; Dukhan 2019; Rim Mugahed, "Tribes and the State in Yemen," Sanaa Center for Strategic Studies, January 21, 2022, accessed July 31, 2024, <https://sanaacenter.org/publications/main-publications/16156>; Арагин 2019; Collombier, Roy 2018; Lewis 2014; Зинин 2013; Al-Farsi 2013.

2 Sebastian Meisel, "The Resurgent Tribal Agenda in Saudi Arabia," AGSIW, July 30, 2015, accessed July 31, 2024, <https://agsiww.org/the-resurgent-tribal-agenda-in-saudi-arabia/>.

3 Peter Cole, and Fiona Mangan, "Tribe, Security, Justice and Peace in Libya Today," United States Institute for Peace, September 2, 2016, accessed July 31, 2024, <https://www.usip.org/publications/2016/09/tribe-security-justice-and-peace-libya-today>; Abdulkareem Ghanem, "Addressing Social Fragmentation in Yemen," Sanaa Center For Strategic Studies, March 1, 2019, accessed July 31, 2024, <https://sanaacenter.org/publications/analysis/7137>.

4 Saqr Abo Hasan, "In Yemen, Tribes Hold the Keys to Power," The Cradle, March 13, 2024, accessed July 31, 2024, <https://thecradle.co/articles-id/23872>; Hweio 2012; Claudia Gazzini, "Traversing the Tribal Patchwork of Libya's South West," International Crisis Group, June 12, 2017, accessed July 31, 2024, <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/libya/traversing-tribal-patchwork-libyas-south-west> Gazzini 2017.

5 Charles Shmitz, "Understanding the Role of Tribes in Yemen," CTC Sentinel, October 11, 2011, accessed July 31, 2024, <https://ctc.westpoint.edu/understanding-the-role-of-tribes-in-yemen/>.

6 Al-Kuwari 2019, 51.

7 Кузнецов 2023.

на то, что западные исследователи переоценивают роль племен в йеменской политике, в то время как по его данным, не более 20% йеменцев принадлежат к племенам¹. В.А. Кузнецов, анализируя ситуацию в Ливии, также подчеркивает, что племена как таковые редко выступают политическими акторами, скорее ими являются локальные милиции, в состав которых могут входить члены племен².

Приведенные выше исследования касаются, однако, стран, где государство либо прошло через период дезинтеграции, либо утратило доминирующие позиции, что соответствует идее об игре с нулевой суммой в отношениях между племенем и государством. В то же время в арабских монархиях Персидского залива государство крайне сильно, при этом силен и племенной дискурс. Жители этих стран знают историю своего рода, племенную принадлежность, и тем не менее именно государство, доминирующее в политической и экономической жизни, является ключевым актором. После открытия нефтегазовых ресурсов лояльность племен государству была закреплена посредством механизмов перераспределения ренты. В результате отношения государства и племени во многих странах Залива стали симбиотическими³. В Ливии, где нефтегазовые ресурсы также составляют основу экономики, после «арабской весны» племена ярко проявили себя в период конфликта. Все это актуализирует тезис о роли племен как негосударственных акторов, но ответ на него далеко не очевиден, особенно в ситуации плотного симбиоза племени и государства.

Дискуссия вокруг определения «племени»

В классических работах, посвященных понятию «племя», сам термин часто употребляют в отношении определенных сообществ, как, например, кочевые группы Киренаики⁴ и племенные группы, проживающие в Марокко⁵. Термин «племя» вызывает множество споров в научных кругах, поэтому ряд исследователей старается его избегать. Как подчеркивает Р. Таппер, «вместо того, чтобы давать определение, я счел более продуктивным относиться к племени и трайбализму как к идеям, обычно в их отношении к другим идеям, которым они противоположны, особенно «государству» и «верховенству права»⁶. В антропологической литературе племенное общество описывается как слабо организованная система сегментов, конфигурация которых зависит от экологических и других факторов⁷. Племенные группы могут объединяться друг с другом под влиянием общих интересов: защиты своих земельных ресурсов, доступа к воде, расширению своих пастбищ, защите от врага. Поэтому ряд исследователей считает, что племенная система характерна для кочевого образа жизни, поскольку сложные природные условия пустыни заставили население разбиться на группы

1 Al-Iryani Abdulghani, "Yemen: 'Chaos by Design'," Al-Jazeera, March 17, 2011, accessed July 31, 2024, <https://www.aljazeera.com/program/people-power/2011/3/17/yemen-chaos-by-design>.

2 Кузнецов 2022.

3 Kostiner 2016.

4 Evans-Pritchard 1949.

5 Gellner 1972.

6 Richard Tapper, "Tribalism in Middle Eastern States: A Twenty-first Century Anachronism?" LSE, July 11, 2018, accessed July 31, 2024, <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/07/11/tribalism-in-middle-eastern-states-a-twenty-first-century-anachronism/>.

7 Rugh 2007.

на территории с низкой плотностью заселения¹. В то же время в современном Арабском мире привычный взгляд на племена как кочевые сообщества не совсем актуален, поскольку многие кочевые племена осели в городах.

Первоочередной функцией племени является обеспечение выживания своих членов. Свидетельство этому можно найти в многочисленных арабских пословицах. Пословица «человек без своей семейной группы подобен рубашке без рукавов» [*al-wahad bila Khamsa zay thaub bila irdan*] подчеркивает естественность племенной принадлежности каждого человека². Рубашка без рукавов плохо покрывает тело, подобно тому как человек недостаточно защищен без своей семьи. Именно для собственной защиты небольшие племена заключали союзы с более сильными племенами³.

Некоторые исследователи пытаются дать определение понятию «племя» через его атрибуты. Начало этой традиции положил еще средневековый арабский мыслитель Ибн Халдун, который использовал понятие «асабийи» как «племенной сплоченности» или «коллективной солидарности» в своем исследовании исторических закономерностей развития государства в Магрибе. «Асабийя» [в английском переводе дословно «групповое чувство» – прим. автора] возникает только на основе кровного родства. Кровные узы являются для людей, за редчайшими исключениями, чем-то естественным. Они создают чувство привязанности к своим родным и близким, чувство, согласно которому, с ними не должно произойти ничего плохого, никакая беда не должна их постичь⁴. Асабийя поддерживалась с помощью браков, родственных связей, религии и обращения к общему происхождению⁵.

«Асабийя» не появляется у любой группы людей. Двумя составляющими племени являются происхождение и родственные связи. Племенная солидарность объясняется общими родственными связями и знанием членов племени о том, что они происходят от единого предка⁶. Некоторые исследователи в связи с этим изучают генеалогию племен и сводят сущность племени именно к ней. Однако исторически многие племенные группы формировались на политической основе, следуя за общим лидером в завоевании чужой или защите своей территории. Российский востоковед и дипломат А.Р. Аганин в своей работе об эмиратских племенах, цитируя Ибн Халдуна, указывает, что генеалогия это «не столько отражение действительности, сколько идеология», поскольку на ней базируется как социальная и политическая легитимность, так и в немалой степени духовная власть⁷. В русле генеалогии А.Р. Аганин определяет племя как «наибольшую группу людей, ведущих свое происхождение от единого предка», отмечая при этом, что племя могло формироваться и как «военно-оборонительный союз неродственных кланов», объединяющихся вокруг какого-то рода/клана⁸. Важное

1 Rugh 2007.

2 Willner 2023, 10.

3 Ibid.

4 Цит. по: Dawood 1969.

5 Jesse Marks, "Tribes and Tribalism in the Middle East," Substack, September 20, 2022, accessed July 31, 2024, <https://jessemarks.substack.com/p/tribes-and-tribalism-in-the-middle> Marks 2022.

6 Ibid.

7 Аганин 2020а, 18.

8 Аганин 2020б, 8.

дополнение к мнению о происхождении и генеалогии как ключевым атрибутам племени дается в работах историка А. Хурани, утверждающего, что племенная солидарность объясняется часто не столько общим происхождением как таковым, сколько «мифом об общем происхождении»¹.

Вопрос генеалогии ярко проявляется в критически важных для выживания племени случаях и таким образом демонстрирует сущность племенной идентичности. Считается, что чем ближе родственные связи, тем большую ответственность прийти на помощь ощущают члены племени². В повседневной жизни, следуя известной арабской пословице, брат выступает против брата, вместе они выступают против кузенов и объединяются с ними при борьбе с внешним врагом. Как указывают некоторые исследователи, видение реальности как отдельных элементов, которые соединялись вместе или распадались, преследуя политические цели, является крайне важным для понимания племенной политики³. При этом, следуя мысли А. Хурани, эти родственные связи могут в реальности быть мифическими⁴, т.е. основываться на историческом нарративе, а не фактическом общем происхождении.

Племена также можно изучать в сравнении с государством, поскольку часто они воспринимаются как антигосударственная сила. В связи с этим особое внимание отводится отношениям между племенными лидерами и государством, различным вариантам кооптации племен в государственную систему или способам, с помощью которых племена стремятся растворить в строящемся национальном государстве. Наконец, племена можно воспринимать в контексте «политического трайбализма»: как набор этических принципов и политических ценностей, которые, так или иначе, используются в политике определенного государства, отчасти даже как идеологию⁵.

В данной статье автор сочетает все три подхода. Под племенем понимается достаточно большая группа людей (несколько тысяч или десятков тысяч человек, в отдельных случаях – до миллиона), объединенная мифом об общем происхождении и генеалогией, имеющая собственную идентичность, основанную на исторических традициях, ценностях и этике, характерных для коренного арабского населения исторической территории ОАЭ до обнаружения залежей нефти в середине XX в.

Племена как негосударственные акторы: вопросы классификации

Роль племен как негосударственных акторов необходимо анализировать на фоне текущих мегатрендов мировой политики, сохраняющих свое влияние на международные процессы, несмотря на обратные тенденции, наметившиеся за последние несколько лет. Среди них автор выделяет глобализацию, либера-

1 Hourani 1991.

2 Rugh 2007.

3 Ibid.

4 Hourani 1991.

5 Kostiner 2016.

лизацию и демократизацию¹, так как именно они связаны с расширением роли негосударственных акторов в мировой политике. Как указывает М.М. Лебедева, Вестфальская система политической организации мира, в центре которой стояло государство как главный актор мировой политики, «находится в состоянии идеального шторма»². Наблюдается постепенная эрозия Вестфальской системы, при которой государство постепенно утрачивает доминирующее положение в политической системе организации мира, уступая место различным негосударственным акторам. Они перенимают или дублируют функции, которые раньше выполняло государство. Автор в своем исследовании обращает внимание на регион с сильной ролью государства в политической, экономической, социальной и культурной отраслях жизни, которое при этом сосуществует с племенными структурами, часто включаемыми в состав негосударственных акторов, где актор – это активный участник политики, который перенимает часть функций государства.

Дж. Най и Р. Кохейн подчеркивали, что негосударственные акторы в мировой политике стали вести себя как государства, тем самым, добавив к межгосударственным еще и отношения в рамках международных организаций, корпораций, медиа и т.д.³ В дальнейшем спектр негосударственных акторов постепенно расширялся и стал включать в себя значительное количество самых разных организаций. Сегодня к негосударственным акторам относят организации, во многом или полностью независимые от центрального правительства и берущие свое начало из гражданского общества или рыночной экономики, а также независимые от политических импульсов со стороны государства. К ним также относят организации, которые ведут свою деятельность на территории двух или более государств, связывая политические, экономические и социальные системы стран. А также организации, которые стремятся повлиять на политические результаты в одном или более государствах или в международных организациях⁴.

Наиболее подробный анализ ближневосточных кейсов проведен в статье российских исследователей В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова⁵. Отталкиваясь от классификации негосударственных акторов, предложенной Ф. Тэйлором, они предлагают собственные критерии типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке: 1) соотношение с государством по функциям; 2) государствоцентричность или геоцентричность; 3) цель деятельности (универсальная или специализированная); 4) уровень формализации управления и ее форма. Именно эти критерии автор использует в статье для обоснования племенных отношений арабских монархий Персидского залива как негосударственных акторов.

Важно, однако, отметить, что выработать общий взгляд на племя как негосударственный актор вне зависимости от конкретного случая или конкретного региона крайне сложно, даже в случае с Арабским миром. Роль племен в ливийском конфликте и в стабильной обстановке ОАЭ значительно различается. Тем не менее в отношении арабских монархий Персидского залива, характеризующихся схожестью политических режимов и экономических систем, можно

1 Лебедева 2019.

2 Лебедева 2016.

3 Keohane, Nye 1972.

4 Josselin, William 2001.

5 Наумкин, Кузнецов 2020.

предложить общее определение племени как негосударственного актора. В соответствии с типологизацией В.А. Кузнецова и В.В. Наумкина, племя в странах Залива можно предварительно охарактеризовать как: 1) субгосударственного локального актора (поскольку в основном племена проживают на ограниченной территории); 2) актора, ориентированного на государство ввиду особенностей политэкономической системы стран Залива, где центральное правительство перераспределяет ренту, полученную от нефтегазовых ресурсов); 3) универсального (поскольку его цели включают широкий спектр сфер жизни); 4) отчасти формализованного игрока (поскольку статус шейха племени отчасти формализован через систему национальных ID-карт, а с племенной системой в целом связана система гражданства); 5) в большей степени централизованного игрока (поскольку у большинства племен есть структура во главе с шейхом, более и менее знатными семьями).

Ключевым отличием племен стран Залива от племен Ливии или Йемена является их государствоцентризм, в то время как во втором случае они являются скорее геоцентричными, поскольку по классификации В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова существуют в условиях разрушения многих государственных институтов и отсутствия контроля центрального правительства над всей территорией страны. В зонах конфликта племена «идентифицируют себя прежде всего не с государствами, а с особой территорией», в то время как племена в странах Залива очень плотно интегрированы в государство¹. В значительной мере они утратили способность к коллективной мобилизации против государства. Если в самом начале нефтяной эпохи племена еще могли выступать против представителей правящей семьи, предпринимая коллективные действия, то впоследствии с развитием рентной системы и государственного патронажа, эта способность была утрачена из-за сокращения собственных источников дохода, независимых от государства: племена утратили скотоводческое хозяйство, возможность совершать набеги на поселения и обеспечивать безопасность караванов. За исключением Кувейта и частично Бахрейна, нефтяные монархии Персидского залива в настоящее время стремятся не допускать публичных коллективных действий, направленных против сформировавшегося политического порядка². При этом наблюдавшаяся коллективная мобилизация осуществлялась в основном не на племенной основе, а на социальной или религиозной.

Хотя мнение о том, что племена полностью лишились своей политической роли и подчиняются государству, перераспределяющему ренту, глубоко укоренилось³, все-таки есть примеры, которые показывают и обратное. Более того, ряд научных работ доказывает, что племена по-прежнему сохраняют свою важную роль, основанную на их социальном капитале⁴. Некоторые исследователи считают, что роль племени приняла форму т.н. «политического трибализма»⁵.

1 Наумкин, Кузнецов 2020.

2 Steffen Hertog, "The Political Decline and Social Rise of Tribal Identity in the GCC," LSE, July 25, 2018, accessed July 31, 2024, <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/07/25/the-political-decline-and-social-rise-of-tribal-identity-in-the-gcc/>.

3 Beblawi 1987, 53.

4 Freer 2021; 2019.

5 Al-Sharekh, Freer 2022, 10.

Племена и племенная идентичность в ОАЭ

В одном из немногих источников по колониальной истории ОАЭ, «Атласе Персидского залива, Омана и Центральной Аравии», составленном британским колониальным администратором Дж. Лоримером, встречается подробное описание племенной системы ОАЭ, которая на 1905 г. насчитывала 44 племена. Дж. Лоример указывает, что «люди Договорного Омана [как тогда называлась территория ОАЭ – прим. автора] принадлежат к большому числу разных племен; конечно, эта страна является одной из наиболее сложных и запутанных в Персидском заливе с точки зрения племен»¹. Сложность племенной системы в случае ОАЭ объясняется не только их большим числом на относительно небольшой территории, но и особенностями политической системы страны, при которой большие племена живут сразу в нескольких эмиратах, где их влияние значительно отличается.

Сложность изучения племени как негосударственного актора состоит в отсутствии четкой структуры управления. Зачастую им неформально руководит наиболее старший и уважаемый член племени, которому этот пост перешел по наследству от его предшественника, либо он был выбран своим племенем. В некоторых странах соблюдаются определенные формальности. Руководство племен или кланов поддерживает контакты с властью от лица племени, визиты в маджлисы племенных шейхов наносят представители правящих семей. Также известно, что в ОАЭ члены шейхской семьи племени со времен введения системы национальных ID-карт имеют в ней приписку «шейх» или «шейха», что во многом закрепляет их положение как лидеров племен.

Ярко проявляется важность племени в вопросе идентичности и гражданства. В ОАЭ фактически получить эмиратский паспорт могут только члены коренных арабских племен. В 2000-е гг. в ОАЭ была проведена реформа, согласно которой в 2004 г. был создан новый регулирующий орган Федеральное агентство по делам идентичности и гражданства, а в 2006 г. введен Закон «О регистрации населения и карточках идентичности», согласно которому вводилась система национальных ID-карт². Выпуск карты со статусом гражданина был возможен лишь для тех резидентов ОАЭ, которые могли предоставить доказательство своего проживания на территории страны начиная с 1925 г. посредством так называемой «семейной книги» (*"khulasat al-qayd"*) – документа, подтверждающего происхождение конкретного человека, в который вписаны все члены его семьи. При этом выдавать семейные книги исторически могло только федеральное Министерство внутренних дел, расположенное в Абу-Даби. До 2006 г. существовало два уровня гражданства: на уровне отдельного эмирата и всей страны. Население могло получить паспорт конкретного эмирата, в результате чего вопрос получения гражданства частично решался на местах³. Чтобы официально стать гражданином ОАЭ, каждый желающий после получения паспорта конкретного эмирата должен был получить и федеральный паспорт в МВД

1 Цит. по: Lori 2019, 67.

2 "Federal Law No. 9, On The Population Register And Identity Card," UAE Ministry of Justice, accessed July 31, 2024, <https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=UAE-KaitEL1>.

3 Lori 2019, 91.

в Абу-Даби¹. В 2006 г. с введением национальных ID-карт эта система была ликвидирована. Все, кто не соответствовал критериям гражданина, должны были оформить визы как иностранцы.

Таким образом, в ОАЭ еще острее стал вопрос постоянно проживающих в стране лиц без гражданства, называемых в арабских странах «бидунами». «Бидун», что буквально переводится как «не имеющий [гражданства]», зачастую является потомком лиц, мигрировавших на территорию ОАЭ и не сумевших получить гражданство страны после ее независимости, чаще всего по причине несоответствия требованиям Закона о гражданстве 1972 г. Личные дела «бидунов», которые не могли предоставить семейную книгу, но надеялись получить гражданство по другим статьям Закона о гражданстве, рассматривались годами, однако с введением системы ID-карт, возможность фактически исчезла. Начиная с 2008 г. они стали получать паспорт Коморских островов по соглашению между Коморами и ОАЭ. Официальные данные о количестве «бидунов» в ОАЭ не публиковались, но, по мнению исследователей, их число составляет от 80 до 120 тыс. человек².

Лишившись гражданства местных эмиратов, «бидуны» потеряли доступ ко многим социальным услугам, которые стали предоставляться только обладателям карт. Они не имеют возможности получать бесплатное здравоохранение и бесплатно учиться в государственных школах и университетах и т.д.³ Принадлежность к тому или иному племени, которую можно проследить по семейной книге, стала ключевым маркером гражданства и идентичности в ОАЭ. Соответственно, племенная принадлежность также обеспечивает доступ к базовым социальным услугам. За отнесение себя к тому или иному племени в целях получения гражданства в ОАЭ предусмотрено наказание. В соответствии с Законом о гражданстве 1972 г. «наказание тюремным заключением на срок не более 10 лет и штрафом в размере не менее 50 тыс. дирхамов или одно из этих наказаний должно быть назначено любому лицу, утверждающему, что он является членом семьи или племени, к которому он не принадлежит, с целью получения гражданства, паспорта, проездного документа или любого другого документа о гражданстве»⁴.

Племенная идентичность также играла ключевую роль в формировании границ современных эмиратов. С обнаружением нефти в регионе Персидского залива остро встал вопрос четких границ, так как колониальные власти и британские нефтяные компании стремились заключить договоры концессии на добычу ресурсов, для чего было необходимо четко понимать юрисдикцию каждого из признаваемых Британией правителей. В конце 1930-х гг. колониальные власти решили определять границы по ареалу обитания племен и их лояльности – если то или иное племя в глубине территории ОАЭ присягало правителю Абу-Даби, то его ареал обитания считался территорией правителя Абу-Даби. Таким образом,

1 Ibid 91.

2 Lori 2019, 204.

3 Sultan Al-Qassemi, "Book that Proves Some Emiratis are More Equal than Others," The National, February 7, 2010, accessed July 31, 2024, <https://www.thenationalnews.com/uae/book—that-proves-some-emiratis—are-more-equal-than-others—1.524231>.

4 "Federal Law No. 17, Concerning Nationality and Passport," UAE Ministry of Justice, accessed July 31, 2024, <https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=UAE-KaitEL1>.

была проведена своего рода кодификация зон расселения племен и их связей с основными центрами власти на побережье Договорного Омана¹. В начале 1950-х гг., когда на территории ОАЭ стали обнаруживать запасы нефти, племенная принадлежность стала одним из наиболее важных объектов изучения колониальной администрации². Чтобы урегулировать территориальные споры, каждый из правителей эмиратов стремился найти как можно больше доказательств присяги племени именно ему, а также сведения об ареале обитания племени. Таким образом, племенная структура в ОАЭ во многом формировала границы эмиратов.

Помимо изучения законодательства и объективных исторических фактов, исследовательские возможности для анализа вопроса идентичности и племенной солидарности крайне ограничены. Это объясняется отсутствием публичных опросов по данной теме в ОАЭ и большинстве других монархий Залива, а также сложными условиями их проведения по чувствительным социальным и политическим вопросам. При этом даже полевое исследование не гарантирует получение достоверных данных ввиду того, что ответы респондентов могут не в полной мере отражать их истинную точку зрения. Так, например, авторы исследования о закономерностях голосования на выборах в Центральный муниципальный совет Катара провели опрос граждан относительно главных характеристик кандидата на муниципальных выборах. Родственную или племенную связь с кандидатом как важную характеристику отметили лишь 23%, а уровень его образования – 87%. В то же время проведя опрос, в котором респондентам предлагалось выбрать предпочтительного кандидата на основе его имени и фамилии, подразумевавшей этническое происхождение (арабское или иранское) и принадлежность к суннитской или шиитской группе населения, авторы обнаружили, что влияние данных характеристик на респондентов значительно выше, чем при ответе на прямой вопрос о характеристиках кандидата³. Таким образом, даже при возможности проведения прямых опросов относительно значимости племенного фактора, их результаты могут создать искаженную картину, поскольку респонденты могут стремиться показать себя более «современными».

Вследствие этого наиболее достоверную информацию могут дать косвенные данные. Полезным источником для исследования племенной идентичности ОАЭ могут являться новостные заметки на сайте официального новостного агентства ОАЭ WAM об эмиратских свадьбах. В них обычно указывается полное имя жениха и его отца, а также полное имя отца невесты. Подобные заметки публикуются по случаю визита того или иного представителя правящей семьи одного из эмиратов на свадьбу. При подготовке данной статьи были проанализированы 129 подобных новостных заметок о свадьбах в эмиратах Абу-Даби и Дубай за период с января 2022 по апрель 2024 гг. Хотя данный источник не является исчерпывающим, поскольку позволяет сделать выводы не обо всех свадьбах, а лишь о тех, заметки о которых встречаются на сайте официального новостного агентства, он позволяет достаточно точно определить доминирующие тенденции в обществе:

1 Lori 2019, 77.

2 Heard-Bey 1982, 54.

3 Shockley, Gengler 2020.

правители Дубая и Абу-Даби посещают свадьбы известных или близких для них семей, имеющих влияние в обществе. Факт посещения таких свадеб является своего рода маркером для других граждан ОАЭ, ведь слова и действия правителей являются важным образцом для подражания. Таким образом, визиты на подобные свадьбы показывают, что свадьбы между, например, двоюродными братом и сестрой или членами одного клана, по-прежнему являются не только приемлемой, но и одобряемой властью практикой.

В ходе анализа автор остановился на свадьбах из Абу-Даби и Дубая, как наиболее репрезентативных за указанный период. Для остальных эмиратов число свадеб было значительно ниже. Основываясь на фамилиях, а также полных именах (включающих не только имя человека, но и имя его отца, за редким исключением и деда), автор смог идентифицировать, что 66 из 129 свадеб являлись внутриплеменными или внутриклановыми (в случае если речь шла о конкретном клане, входящем в конкретное племя), то есть 51,16%. Наиболее высокий процент внутриклановых свадеб характерен для правящих семей Абу-Даби и Дубая Аль Нахайян и Аль Мактум (100 и 75% соответственно), что объясняется статусом правящей семьи. Как показывает *Таблица 1*, достаточно большое число внутриплеменных свадеб характерно и для обычных эмиратских племен: так, 63% свадеб племен Аль-Амири (Авамир) и Аш-Шамси (Шава-мис) являются внутриплеменными; 50% свадеб – у племен Аль-Кетби (Китаб), Аль-Хамили (Хавамиль) и Аль-Ахбаби. Кроме того, существуют несколько племен, все свадьбы которых (из тех, которые были отмечены в новостях), являются внутриплеменными/внутриклановыми – Аль-Минхали, Аль-Афари и Аль-Хури.

Таблица 1.

**ВНУТРИПЛЕМЕННЫЕ СВАДЬБЫ В ЭМИРАТАХ АБУ-ДАБИ И ДУБАЙ ЗА ПЕРИОД
С ЯНВАРЯ 2022 г. ПО АПРЕЛЬ 2024 г.
TRIBAL WEDDINGS IN THE EMIRATES OF ABU DHABI AND DUBAI FOR THE PERIOD
OF JANUARY 2022–APRIL 2024**

Фамилия женихов	Количество свадеб за период	Количество внутриплеменных свадеб за период	Процент внутриплеменных свадеб от общего числа свадеб
Аль Нахайян	8	8	100,00%
Аль-Минхали	3	3	100,00%
Аль-Афари	3	3	100,00%
Аль-Хури	3	3	100,00%
Аль Мактум	4	3	75,00%
Аль-Фаляси*	3	2	66,67%
Аль-Амири	22	14	63,64%
Аш-Шамси	11	7	63,64%
Аль-Кетби	10	5	50,00%
Аль-Ахбаби	4	2	50,00%
Аль-Хамели	4	2	50,00%
Аль-Балуши	4	2	50,00%

Источник: Составлено автором на основе данных новостных заметок WAM. *Клан Аль-Фаляси выделен отдельно от входящей в него семьи Аль Мактум в виду ее особого положения правящей семьи в Дубае.

Достаточно высокий процент внутриплеменных и внутриклановых свадеб демонстрирует сохраняющуюся племенную идентичность эмиратского общества. Известно, что представители племен бедуинского происхождения, редко женятся на представительницах так называемых «аджам» – арабских племен, мигрировавших на территорию ОАЭ с иранского побережья Персидского залива несколько десятков или даже сотен лет назад, что подтверждает тезис о важности генеалогии для племенной идентичности. Данные по ОАЭ схожи со статистикой в Катаре, где проведенные генетические исследования показали, что около 35% браков заключается между двоюродными братьями и сестрами¹.

Племена по-прежнему играют крайне важную роль в социальной жизни ОАЭ благодаря сохраняющейся племенной идентичности. Тем не менее это еще не объясняет, каким образом племя может выступать в качестве негосударственного актора и влиять на политический процесс. Принимая во внимание параметры типологизации негосударственного актора, предложенные В.В. Наумкиным и В.А. Кузнецовым, автор выделяет несколько сфер жизни, в которых племена по-прежнему могут проявлять себя как политические акторы.

Племена как политические акторы

Учитывая племенную идентичность и влияние принадлежности к определенному племени на персональный статус человека (вопрос о гражданстве и статус в национальной ID-карте), сохраняющейся важности генеалогии (в связи с особой ролью семейных книг) можно утверждать об особой социальной роли племен в жизни граждан ОАЭ. При этом социальный вопрос тесно связан с экономическими и политическими аспектами, поскольку ввиду отсутствия большого числа институтов политического участия, социальные аспекты жизни в племенах политизируются². Таким образом, можно говорить о наличии необходимых условий для того, чтобы группы людей, объединенные в племена, имели определенную субъектность и могли являться акторами. Автор выделяет несколько аспектов, в которых данная акторность может проявляться.

Способность к политической мобилизации в случае обострения отношений между государством и племенем

Как отмечает катарская исследовательница Мариам Аль-Кувари, племена развили способность использовать и приобретать политическое влияние посредством мобилизации на основе идентичности³. При определенных обстоятельствах племена могут получить большую легитимность в глазах населения, чем государство, особенно в критические моменты, когда государство больше не в состоянии выполнять общественный договор. Таким образом, по мнению катарской исследовательницы, трайбализм является своего рода «бомбой замедленного действия», которая может взорваться с серьезными последствиями для всего Ближнего Востока⁴. Основная угроза трайбализма заключается в том, что

1 Bener, Alali 2006.

2 Ibid., 162.

3 Al-Kuwari 2019, 50.

4 Ibid.

племя сохраняет свою легитимность в моменты, когда государственная легитимность испытывает проблемы. К этому стоит добавить и случаи кризиса в отношениях племени и государства, когда определенное племя рискует потерять свои «симбиотические» отношения с государством, что особенно ярко проявилось в ОАЭ и Катаре.

Руководство племен способно мобилизовать его членов на определенные политические действия. Особенно это проявляется в случае, когда отдельные члены племени подвергаются репрессиям, что провоцирует кризис в отношениях племени и государства. Остальные члены племени, стремясь исправить его репутацию в глазах правителей страны, по призыву племенного шейха вновь подтверждают им свою верность. Здесь проявляется вопрос идентичности, поскольку данные действия они выполняют именно как члены отдельного племени, чувствуя ответственность за арестованного соплеменника и связь с ним. Так, в 2011 г. в ОАЭ было арестовано пять политических активистов по обвинению в оскорблении руководства страны после того, как они распространили петицию, в которой выступали за расширение полномочий Федерального национального совета. В ответ на это члены племен, из которых происходили арестованные, а также другие племенные группы провели собрания, на которых публично подтвердили свою верность руководству страны. Среди них были как более крупные, так и более мелкие племена¹. Племя Зааб в Абу-Даби опубликовало заявление, в котором подтвердило «лояльность мудрому руководству, представленному президентом, Его Высочеством шейхом Халифой бин Зайдом Аль Нахайяном»², а лидер племени Ахмад Джумаа Аз-Зааби заявил в интервью СМИ, что «проведенные ранее племенные встречи не являются чем-то странным или новым для эмиратских традиций. Племена не пропускают каких-либо государственных праздников, чтобы подтвердить свою лояльность мудрому руководству страны»³. В СМИ выходили интервью с членами других племен, которые подтверждали тезис о связи социального и политического аспекта в жизни племен. Так, член племени Аль-Ховар Али Кафлют Аль-Ховар заявил, что «никто из членов племени не является отдельным человеком, он или она принадлежат к группе и обязаны всегда помнить, что не могут говорить от лица всего племени»⁴. Другие высказывания ясно указывали и на существующую симбиотическую связь государства и племени: «Мы бедуины и племя равнозначно семье. Племя – это наша малая семья. Большая семья – это ОАЭ, у нас всегда есть доступ к нашим великим отцам»⁵.

Схожая ситуация произошла в Катаре в 2017 г., когда после введения блокады эмирата со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта, некоторые племена оказались по разные стороны конфликта. КСА и ОАЭ пытались мобилизовать части племен Аль-Мурра и Бани Хаджер, проживающие по разные стороны

1 Nissar Hoath, "Tribal Leaders Pledge Loyalty," *Khaleej Times*, May 17, 2011, accessed July 31, 2024, <https://www.khaleejtimes.com/article/tribal-leaders-pledge-loyalty>.

2 Ibid.

3 Abdullah Al Rashed, "Emirati Tribes Reiterate Loyalty to Rulers and State," *Gulf News*, May 10, 2011, accessed July 31, 2024, <https://gulfnews.com/lifestyle/community/emirati-tribes-reiterate-loyalty-to-rulers-and-state-1.805585>.

4 Rym Ghazal, "UAE Tribes Continue to Show Allegiance," *The National*, May 4, 2011, accessed July 31, 2024, <https://www.thenationalnews.com/uae/uae-tribes-continue-to-show-allegiance-1.387952>.

5 Ibid.

саудовско-катарской границы, на борьбу с катарской монархией. В то же время в Катаре представители этих племен публично выражали лояльность правителю Катара шейху Тамиму бин Хамаду Аль Тани. Руководство племени Аль-Мурра в Катаре выпустило заявление, осуждающее блокаду Катара и подтверждающую лояльность правителям страны¹. То же самое сделало племя Бани Хаджер, одно из крупнейших в Катаре, оно опубликовало декларацию «в ответ на любое заявление, выпускаемое от имени племени Бани Хаджер за пределами Катара»². Подобная реакция племен объясняется их историей взаимоотношений с государством: в 1996 г. Саудовская Аравия уже пыталась организовать переворот в Катаре, опираясь на членов клана Аль-Гуфран племени Аль-Мурра в катарских силах безопасности. Впоследствии около 5000 членов племени были лишены катарского гражданства и были вынуждены покинуть страну³. Так же катарское руководство поступило и в 2017 г., лишив гражданства племенных шейхов и несколько десятков членов их семей, которые публично не выразили лояльность правящей семье и не осудили действия Саудовской Аравии, а также критически оценили внешнюю политику Катара⁴. Экстраполируя катарский кейс на ОАЭ, можно предположить, что действия племенных шейхов в 2011 г. были обусловлены именно боязнью массовых преследований всего племени со стороны властей на основе их племенной идентичности и представляли из себя случай мобилизации в момент кризиса отношений с государством.

Голосование на выборах в законосовещательные органы власти

Другим инструментом выявления влияния племенной идентичности на политическую мобилизацию является анализ результатов выборов в законосовещательные органы стран Залива, что ярко проявляется на примере ОАЭ. В настоящее время около трети граждан ОАЭ имеют право голосования на выборах в Федеральный национальный совет, где они выбирают 50% депутатов. Хотя полномочия ФНС значительно ограничены, деятельность депутатов по-прежнему имеет большое значение, поскольку Совет фактически представляет собой аналог традиционного маджлиса донефтяной эпохи, где представители кланов и племен могли высказать свое недовольство руководством и потребовать изменений.

Выборы позволяют продемонстрировать значение племенных связей «при прочих равных», то есть когда влияние остальных факторов практически изолировано. С введением выборов в ФНС в 2006 г. в ОАЭ проявились паттерны «племенного» голосования. Выборы ярко продемонстрировали степень важности родственных связей в политическом вопросе: многие избиратели гордо заявляли, что голосовали только за членов своей семьи, а в эмирате Абу-Даби, три из четырех мест в ФНС выиграли члены племени Авамир⁵. Данные опросов под-

1 "Al Murra Tribe Renews Loyalty to Emir," The Peninsula, June 18, 2017, accessed July 31, 2024, <https://thepeninsulaqatar.com/article/18/06/2017/Al-Murra-tribe-renews-loyalty-to-Emir>.

2 "Qatari Members of One of the Largest GCC Tribe Renews Loyalty to the Emir," The Peninsula, June 10, 2017, accessed July 31, 2024, <https://thepeninsulaqatar.com/article/10/06/2017/Qatari-members-of-one-of-the-largest-GCC-tribe-renews-loyalty-to-the-Emir>.

3 Al-Sharekh, Freer 2022, 105.

4 "Qatar Revokes Citizenship of Tribal Leader, Poet," Saudi Gazette, October 1, 2017, accessed July 31, 2024, <https://saudigazette.com.sa/article/518415>; "55 Members of Al Murrah Tribe Stripped of Citizenship," Economist Intelligence Unit, September 25, 2017, accessed July 31, 2024, http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1165924500&Country=Qatar&topic=Politics&subtopic=Fo_5.

5 Sultan Al-Qassemi, "Tribalism in the Arabian Peninsula: It is a Family Affair," Jadaliyya, February 1, 2012, accessed July 31, 2024, <https://www.jadaliyya.com/Details/25199>.

твердили, что эмират, в котором родился кандидат, являлся главным критерием для голосования для 50,5% граждан¹. Это указывает на то, что с этим кандидатом они, скорее всего, могли быть лично знакомы или связаны через родственников². Так, 47,3% эмиратцев указали, что для них личное знакомство или какая-либо родственная связь с кандидатом повлияла на выбор. На наличие голосования по «племенному принципу» указывал и бывший спикер ФНС ОАЭ Мохаммед Аль-Мурр³. Таким образом, выборы в консультативный совет фактически становятся площадкой для проявления племенной идентичности и политических действий на племенной основе, хотя и имеют ограниченное влияние как в виду того, что принять участие в выборах может лишь около трети граждан страны, так и потому, что полномочия ФНС сильно ограничены.

Ярче всего влияние племенной идентичности на выборы в законосовещательные органы власти проявляется в Кувейте – единственной аравийской монархии, где парламент обладает реальными полномочиями. При этом политические партии в стране запрещены. Вследствие этого племена среди населения бедуинского происхождения фактически стали аналогом политических партий и получили «племенное преимущество». В отличие от политических движений, создаваемых исторически оседлым населением, граждане кочевого происхождения известны тем, что проводят «племенные праймериз», на которых избирают кандидатов от племени на будущих выборах⁴. Таким образом, племенная идентичность, основанная на общем происхождении, является причиной политической мобилизации в ситуации, когда государство гораздо слабее контролирует процесс выборов.

Роль племен в сфере безопасности и дипломатии

Потенциал для действий племени в качестве политического актора можно также проследить, изучая списки руководителей ключевых ведомств страны. Часто то или иное племя или клан имеют сильные позиции в определенном политически значимом ведомстве или важной для стабильности власти сфере. В данной статье автор выделяет силовые и дипломатические ведомства. Традиционно политическому контролю над армией в арабских странах уделялось большое внимание, а ее лояльность правящей семье являлась одним из главных факторов политической стабильности. Дипломатическая сфера важна по причине своего статуса и престижа в странах Персидского залива. Именно дипломаты, наряду с членами правящих семей, отвечают за поддержание дружественных отношений с другими арабскими странами, особенно с другими монархиями Залива, где часто проживают соплеменники многих граждан ОАЭ.

Военная и дипломатическая сфера контролируются эмиратом Абу-Даби: главнокомандующим армией ОАЭ является президент ОАЭ и правитель Абу-Даби, там же расположен Генеральный штаб вооруженных сил ОАЭ. Пост министра иностранных дел ОАЭ традиционно занимает представитель правящей семьи Абу-Даби, с 2004 г. – это брат нынешнего правителя Абу-Даби Мохаммеда бин

1 Ibid.

2 Wafa Issa, "Dubai Voters Driven by 'National Duty'," The National, September 24, 2011, accessed July 31, 2024, <https://www.thenationalnews.com/uae/government/dubai-voters-driven-by-national-duty-1.395336/>.

3 Цит. по: Alanoud, Freer 2022, 112.

4 Freer, Leber 2021.

Зайда, Абдалла бин Зайд. Правящая семья Абу-Даби происходит из клана Аль-бу-Фаллах, относящегося к племенной конфедерации Бани Яс, в которую по разным подсчетам входит от 20 до 25 племен¹. Племена именно из этой коалиции исторически наиболее близки к правящей семье и занимают важнейшие политически значимые должности. При этом важным является факт наличия у отдельных членов племени близких отношений с руководителями эмирата Абу-Даби, в результате чего племя усиливает свое присутствие в той или иной сфере. Так, например, особая роль племени Румейсат в военной сфере объясняется тесной связью Хальфана Мохаммеда бин Хальфана ар-Румейси с шейхом Зайдом. В конце 1960-х и в 1970-х гг. он занимал пост командующего Эмирской гвардии – личной охраны правителя Абу-Даби². В связи с этим он часто выполнял его личные поручения и смог выстроить с ним доверительные отношения. В 2016–2019 гг. сын Хальфана Мохаммед бин Хальфан ар-Румейси занимал должность командующего полицией Абу-Даби, а его соплеменник Хамад бин Мохаммед ар-Румейси до января 2023 г. был начальником Генштаба ОАЭ. Еще один представитель семьи генерал-лейтенант Саид бин Мохаммед Ар-Румейси в 2000-е гг. был заместителем начальника Генштаба, а в 1990-е гг. являлся начальником канцелярии Мохаммеда бин Зайда, который в тот момент сам занимал должность начальника.

Схожая траектория развития сложилась у племени Мазариа. Оно составляет до 20% всей племенной коалиции Бани Яс³. В XVIII–XIX вв. вместе с правящей семьей Абу-Даби племя жило в оазисе Лива, занималось верблюдоводством и выращиванием фиников. Из племени Мазариа происходят нынешний государственный министр по делам обороны Мохаммед Аль-Мазруи, начальник Генштаба вооруженных сил ОАЭ Иса бин Сейф Аль-Мазруи и командующий полицией Абу-Даби Фарис бин Халаф аль-Мазруи.

В дипломатической сфере наиболее заметно влияние племен Давахир и Зааб. Они не входят в Бани Яс, однако считаются одними из наиболее близких к правящей семье Аль Нахайян. Племя Давахир происходит из Аль-Айна – второго по важности города в эмирате Абу-Даби. Без их поддержки семья Аль Нахайян, изначально проживавшая в оазисе Лива к западу от Аль-Айна, не смогла бы закрепиться в этом городе. Давахир также имеют много родственных связей с Аль Нахайян, в том числе оттуда происходят две из (по доступным данным) девяти жен шейха Зайда, правителя Абу-Даби в 1966–2004 гг.

На момент написания статьи в июле 2024 г. из изученных на основе открытых данных 99 руководителей дипломатических миссий ОАЭ, представители Давахир являлись послами ОАЭ в 8 странах (8%), включая такие стратегически важные направления внешней политики ОАЭ как Турция, Оман, Марокко, Афганистан и Индонезия. Их влияние также проявляется и в силовом секторе – представители Давахир занимают несколько высоких постов в полиции Абу-Даби и вооруженных силах ОАЭ, включая пост заместителя министра обороны (Матар Салим Али Ад-Дахери).

1 Heard-Bey 1982; Kelly 1964; Meulen 1997.

2 “Khalfan Ar-Rumaithi, seerah zakhirah bile'tah [Khalfan Al-Rumaihi, a biography full of giving], Al-EtiHAD, December 26, 2020, accessed July 31, 2024, <https://www.aletihad.ae/news/التاريخ والسيرات/4152569/عاطف اب-خزاف-خزاف-يحيي جلالنا-افلاخ>.

3 Meulen 1997.

В дипломатическом корпусе также достаточно широко представлено племя Зааб. Его представители являются послами в четырех странах (4%), включая такие стратегически важные, как Ирак и Пакистан. Позиции Зааб также сильны в экономическом блоке эмирата Абу-Даби, двое из членов племени являются членами Исполнительного совета этого эмирата. Племя Зааб происходит из Рас-эль-Хаймы, но в конце 1960-х гг. многие члены племени переехали в Абу-Даби¹.

Имея сильные позиции в данных ведомствах племени потенциально могут оказывать влияние на политические процессы, поскольку обладают доступом к правящей семье Абу-Даби: сферу безопасности и внешнюю политику традиционно контролируют члены правящей семьи этого эмирата, причем наиболее близкие к правителю родственники (брат или сын).

Принимая во внимание различные определения понятия негосударственного актора, автор пришел к выводу, что племена в ОАЭ нельзя в полной мере считать негосударственным актором. Современная модель отношений между государством и племенем, скорее напоминающая симбиоз, а в особых случаях и патронаж, на данный момент демонстрирует, что племена утратили многие аспекты политической субъектности. Тем не менее они сохраняют потенциал для того, чтобы вновь «обрести» акторность в случае изменения характера отношений с государством, поскольку сохраняется сильная племенная идентичность. Во многом этому способствует принятая в ОАЭ система гражданства, подразумевающая наличие «семейной книги», где прослеживается генеалогия человека как обязательное условие получения гражданства. Племена также способны к точечной политической мобилизации в случае политического кризиса, а также при голосовании на выборах в Федеральный национальный совет. Некоторые племена имеют широкое присутствие в армии и полиции, а также в дипломатической сфере, что дает определенные возможности по влиянию на политический процесс и продвижению племенных интересов.

1 Lori 2019, 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аганин, А.Р. Трайбализм и государство в арабском регионе на пороге третьего десятилетия XXI века // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск пятьдесят третий). М.: Институт Ближнего Востока, 2019. 376 с.
- Aganin, Aydar R. "Tribalism and the State in the Arab Region on the Threshold of the Third Decade of the 21st Century." In *The Middle East and Modernity. Collection of Articles (Issue Fifty Three)*, 5–21. Moscow: Institute of the Middle East, 2019 [In Russian].
- Аганин, А.Р. Племена, кланы и семейства ОАЭ. М.: Институт Ближнего Востока. 2020a.
- Aganin, Aydar R. *Tribes, Clans, and Families of the UAE*. Moscow: Institute of the Middle East, 2020a [In Russian].
- Аганин, А.Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск пятьдесят четвертый). М.: Институт Ближнего Востока, 2020b. С. 5–40.
- Aganin, Aydar R. "Tribes of Libya and Their Role in the Political Process." In *The Middle East and Modernity. Collection of Articles (Issue Fifty Four)*, 5–40. Moscow: Institute of the Middle East, 2020b [In Russian].
- Зинин, Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране // Вестник МГИМО. 2013. № 2 (29). С. 38–41. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-38-41>.
- Zinin, Yuriy N. "Tribal Structure of Libyan Society and Its Influence on Political Processes in the Country." *MGIIMO Review of International Relations*, no. 2 (2013): 38–41. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-2-29-38-41> [In Russian].
- Кузнецов, В.А. Ливия: куда уходит племя, в какие города? // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 168–181. <https://doi.org/10.31857/S08691908001266-9>.
- Kuznetsov, Vasily A. "Libya: To what Cities Do the Tribes Go?" *Vostok (Oriens)*, no. 4 (2022): 168–181. <https://doi.org/10.31857/S08691908001266-9> [In Russian].
- Кузнецов, В.А. Проблемы политического развития арабского мира в 2010–2020-е годы. Дис. канд. ист. наук: 5.5.2: защищена 15.02.24. М., 2023.
- Kuznetsov, Vasily A. "Problems of Political Development of the Arab World in the 2010–2020s. PhD thesis." Moscow, 2023 [In Russian].
- Лебедева, М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 125–133. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144>.
- Lebedeva, Marina M. "The System of Political Organization of the World: 'The Perfect Storm.'" *MGIIMO Review of International Relations*, no. 2 (2016): 125–133 [In Russian].
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.
- Lebedeva, Marina M., ed. *Megatrends of World Politics and Their Development in the 21st Century: Textbook for University Students*. M.: Aspect Press Publishing House, 2019 [In Russian].
- Наумкин, В.В., Кузнецов, В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 104–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113>.
- Naumkin, Vitaly V., Kuznetsov Vasily A. "On the Issue of Typology of Non-State Actors in the Middle East." *World Economy and International Relations*, no. 6 (2020): 104–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113> [In Russian].
- Al-Farsi, Sulaiman. *Democracy and Youth in the Middle East: Islam, Tribalism and the Rentier State in Oman*. London: I.B. Tauris, 2013.
- Al-Kuwari, Maryam. "Tribe and Tribalism: The Trojan Horse of GCC States". In *Divided Gulf: the Anatomy of a Crisis*, edited by Andreas Krieg, 37–53. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. https://doi.org/10.1007/978-981-13-6314-6_3.
- Al-Sharekh, Alanoud, and Courtney Freer. *Tribalism and Political Power in the Gulf: State Building and National Identity in Kuwait, Qatar and the UAE*. London: I.B. Tauris, 2022.
- Beblawi, Hazem. "The Rentier State in the Arab World". In *The Rentier State*, edited by Hazem Beblawi, and Giacomo Luciani. London: Routledge, 1987.
- Bener, Abdulbari, and Khalid Alali. "Consanguineous Marriage in a Newly Developed Country: The Qatari Population." *Journal of Biosocial Science* 38, no. 2 (2006): 239–246. <https://doi.org/10.1017/S0021932004007060>.
- Collombier, Virginie, and Olivier Roy. *Tribes and Global Jihadism*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Dawood, N.J., ed. *Ibn Khaldun: The Muqaddima. An Introduction to History*, translated by Franz Rosenthal. Princeton: Princeton Univ. Press, 1969.
- Dukhan, Haian. *State and Tribes in Syria: Informal Alliances and Conflict Patterns*. New York: Routledge, 2019.
- Evans-Pritchard, Evans. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: Clarendon Press, 1949.
- Freer, Courtney, and Andrew Leber. "Defining the 'Tribal Advantage' in Kuwaiti Politics." *Middle East Law and Governance*, no. 2 (2021): 205–234. <http://doi.org/10.1163/18763375-13031309>.
- Freer, Courtney. "Clients or Challengers?: Tribal Constituents in Kuwait, Qatar, and the UAE." *British Journal of Middle Eastern Studies*, no. 2 (2019): 271–290. <https://doi.org/10.1080/13530194.2019.1605881>.
- Gellner, Ernest. "Introduction". In *Arabs and Berbers: From Tribe to Nation in North Africa*, edited by Ernest Gellner, and Charles Micaud. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1972.
- Heard-Bey, Frauke. *From Trucial States to United Arab Emirates: A Society in Transition*. London, New York: Longman Group, 1982.
- Hourani, Albert. *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber, 1991.
- Hweio, Haala. "Tribes in Libya: From Social Organization to Political Power." *African Conflict and Peace Building Review*, no. 1 (2012): 111–121. <https://doi.org/10.2979/africanconfpeacrevi.2.1.111>.
- Josselin, Daphné, and Wallace William. "Non-State Actors in World Politics: A Framework." In *Non-State Actors in World Politics*, edited by Josselin Daphné, and William Wallace, 1–20. Houndsmills, Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Kelly, J. *Eastern Arabia Frontiers*. London: Faber & Faber, 1964.
- Keohane, Robert, and Joseph Nye. "Introduction". In *Transnational Relations and World Politics*, edited by Robert Keohane, and Joseph Nye. Cambridge: Harvard University Press, 1972.
- Kostiner, Joseph. "The Nation in Tribal Societies: Reflections on K.H. al-Naqib's Studies on the Gulf". In *Tribes and States in a Changing Middle East*, edited by Uzi Rabi, 219–230. Oxford: Oxford University Press,

2016. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190264925.003.0012>.

Lewis, Alexandra. *Security, Clans and Tribes: Unstable Governance in Somaliland, Yemen and the Gulf of Aden*. Basingstoke: Palgrave Pivot, 2014.

Lori, Noora. *Offshore Citizens: Permanent Temporary Status in the Gulf*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Meulen, H. *The Role of Tribal and Kinship Ties in the Politics of the United Arab Emirates*. PhD Thesis, Tufts Univ., 1997.

Rugh, Andrea. *The Political Culture of Leadership in the United Arab Emirates*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Shockley, Bethany, and Justin Gengler. "Social Identity and Coethnic Voting in the Middle East: Experimental Evidence from Qatar." *Electoral Studies* 67, (2020): 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102213>.

Willner, Samuel. "Tribal Decision-Making: From Traditional to Modern Context". In *Preserving the Saudi Monarchy: Political Pragmatism in Saudi Arabia c. 1973-1979*, edited by Samuel Willner. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-30006-6_2.

Сведения об авторе

Артём Константинович Адрианов,
аспирант, Институт Международных Исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76
e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 августа 2024.
Переработана: 10 сентября 2024.
Принята к публикации: 11 сентября 2024.

Благодарность

Автор выражает благодарность В.А. Кузнецову за ценные и содержательные комментарии в процессе написания статьи, а также благодарит П.Н. Исаина за содействие в обработке новостных заметок WAM.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Адрианов, А.К. Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ) // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (3). С. 70–90.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90>

Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (the Case of the UAE)

ABSTRACT

The article examines the tribal structures of the UAE as non-state actors. The author pays special attention to the definition of the concept of “tribe” in the Arab world and its interpretation in relation to the countries of the Persian Gulf and, in particular, the UAE as one of the most complex tribal systems in the region. It explores the question of tribal identity and its manifestations at the present stage, as well as its influence on the position of tribes as political actors. Based on the classification of non-state actors by Vitaliy Naumkin and Vasily Kuznetsov, the author examines the tribe as a local and state-oriented actor. Three situations are identified in which the tribe as an actor can manifest itself most clearly. The author concludes that tribes cannot be considered as fully-fledged non-state actors, but that they retain significant potential for mobilisation and political action in crisis situations.

KEYWORDS

non-state actors, tribes, identity, UAE, Persian Gulf

Author

Artem K. Adrianov,

Ph.D. Student, MGIMO University, researcher at the Institute for International Studies
of the MGIMO University,

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Additional information

Received: August 25, 2024. Revised: September 10, 2024. Accepted: September 11, 2024.

Acknowledgment

The author is grateful to V.A. Kuznetsov for valuable and informative comments during the writing of the article, and to P.N. Isain for his assistance in processing WAM news notes.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Adrianov, Artem K. "Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (the Case of the UAE)." *Journal of International Analytics* 15, no. 3 (2024): 70–90.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90>